

УДК 821.111(73)

**МИФОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ КОНЦЕПТА
“THE AMERICAN DREAM”**

© 2012 г.

А.Л. Логинов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

ant3446@yandex.ru

Поступила в редакцию 09.12.2011

Анализируется мифологическая составляющая концепта «американская мечта», которая помогает исследователем понять степень влияния данного феномена на американское общество и страну в целом.

Ключевые слова: концепт, миф, мифотворчество, американская мечта, американское общество, религия.

Зачастую мифы воспринимаются как старинные «сказки» о похождениях богов и героев. Это, конечно, примитивное представление. И дело не только в том, что в первобытном обществе мифотворчество было основным способом познания мира и сохранения накопленной информации в памяти поколений. Мифы возникали и возникают и в более поздние времена, причем они всегда выражают какие-то важные черты мироощущения своей эпохи. Бесспорно в отношении мифа только одно: миф – это повествование, которое там, где оно возникало и бытовало, принималось за правду, как бы оно ни было неправдоподобно. Теории «мифа» посвящено много исследовательских работ, как в России (А.С. Лосев, В.Я. Пропп, Н.С. Гусева, Т.А. Агапкина, М.М. Валенцова, А.Л. Топорков), так и зарубежом (Р. Барт, Р. Антес, А. Голан, У.Б. Йейтс).

Следует обратить внимание на работы Рола-на Барта, французского философа-постструктуралиста и семиотика, который разрабатывал одну из основных проблем: отношения языка и власти. Язык, с одной стороны, является ключевым узлом для социализации, с другой, — обладая своей структурой, синтаксисом и грамматикой, несёт в себе определённый властный посыл.

В этой связи интересным оказывается осмысление понятия «миф». Миф Барт называет «метаязыком». Значение или собственно миф, по Барту, создаётся за счёт деформации отношения между концептом и смыслом. Раскрывая коннотативные механизмы мифотворчества, Барт подчёркивает, что миф выполняет различные функции: он одновременно обозначает и оповещает, внушает и предписывает, носит побудительный характер. Касаясь проблемы

«чтения» и расшифровки мифа, Барт пытается ответить на вопрос, как происходит его восприятие. Миф, по Барту, стремится выглядеть как нечто естественное, «само собой разумеющееся». Он воспринимается как безобидное сообщение не потому, что его интенции тщательно скрыты, иначе они утратили бы свою эффективность, а потому, что они «натурализованы». В результате в мифологизации означающее и означаемое представляются «читателю» мифа связанными естественным образом. Любая семиологическая система есть система значимостей, но потребитель мифов принимает значение за систему фактов [1, с.73]. Смысл и направление деятельности мифа оказывается двояким:

1) с одной стороны, он направлен на изменение реальности, имеет целью создать такой образ действительности, который совпадал бы с ценностными ожиданиями носителей мифологического сознания;

2) с другой — миф чрезвычайно озабочен сокрытием собственной идеологичности, то есть он стремится сделать так, чтобы его воспринимали как нечто естественное, само собой разумеющееся.

Барт особо подчёркивает, что миф — это не пережиток архаического сознания, а огромная часть современной культуры. Миф сегодня реализует себя в рекламе, кино и телевидении.

Американцы любят подчёркивать молодость своей страны и ее культуры. Однако и эта культура также пронизана многочисленными мифами, которые составляют один из устоев их национального менталитета. Американские мифы, как и любые другие, воспринимаются общественным сознанием как моменты абсолютной истины, которые не допускают возражений и не нуждаются в доказательствах.

Квинтэссенцией американской мечты принято считать представление о том, что каждый человек, обладающий способностями, энергией и трудолюбием, способен честным путем преуспеть в жизни, став добропорядочным и состоятельным человеком. Изабел Саухил (Isabel V. Sawhill) и Дэниел МакМуррер (Daniel P. McMurmer), сотрудники исследовательского центра Urban Institute, в работе «Американские мечты и провалы» (American Dreams and Discontents: Beyond the Level Playing Field) описывают американскую мечту, как «веру в открытое и динамичное общество, в индивидуальные возможности, в то, что каждое следующее поколение будет жить лучше, чем предыдущее» [Цит. по 2, с. 39]. Франк Лунтц (Frank Luntz) в книге «Новая надежда американской жизни» (The New Promise of American Life) утверждает, что американцы, больше, чем другие народы, верят в то, что успехи человека зависят от его личных способностей и честного труда, а не от изначальной принадлежности к определенному общественному классу или группе [Цит. по 3, с. 152].

В течение последних 40 лет Соединенные Штаты претерпели множество кардинальных перемен. За это время страна приняла 22 млн легальных эмигрантов и еще 7–10 млн нелегалов. В результате население США стало куда менее однородным в этническом, языковом и религиозном плане. Число выходцев из Латинской Америки возросло в США в три раза, из мусульманских стран и Индии – в четыре, из Китая и других стран Восточной Азии – пятикратно. В те же годы в стране резко снизилась интенсивность былых предубеждений против католиков и евреев, практически исчезла расовая сегрегация, уменьшилась дискриминация женщин и национальных меньшинств, участились межэтнические и межрасовые браки и гражданские союзы. Американцы стали лучше осознавать свои индивидуальные права, а общество в целом стало острее реагировать на их нарушения.

Однако столь же несомненно, что эти прогрессивные сдвиги сопровождались множеством негативных явлений. В США усилилась экономическая неоднородность и связанное с нею фактическое неравенство. Борьба за власть стала более агрессивной, а готовность к поиску компромиссов ощутимо снизилась. Многие американцы уверены, что демократические институты страны подвергаются опасной эрозии, которая в немалой степени вызвана коллективным эгоизмом многих общественных групп.

Американцы единодушно считают себя нацией иммигрантов, людей, которые не побоялись покинуть свои дома, чтобы пуститься к чужим берегам в погоне за лучшей жизнью. Представление об этой жизни включает в себя желание обрести материальное благосостояние, символ которого – собственное жилище. Жители США возводят укорененность в своем доме и на своей земле в ранг жизненно важной ценности, краеугольного камня, «американской мечты». С другой стороны, они не только считают себя людьми без многовековых национальных корней, но и объявляют это обстоятельство своим главным достоинством. Общество с таким менталитетом, полагает Вуфнау, профессор социологии, директор Принстонского университета, обречено на то, чтобы «постоянно стремиться» [Цит. по 4, с. 84] к заоблачным идеалам и потому ставить перед собой такие задачи, которые оно не в состоянии осуществить. Более того, реализация этих целей предполагает действия и за пределами национальных границ, там, откуда некогда прибыли предки нынешних граждан США, а иногда и они сами. Это соображение отчасти объясняет готовность американцев видеть в своей стране образец для всего человечества, подчас даже навязывать свою модель другим народам с помощью экономического принуждения или военной силы.

Ключевые черты американского национального мифотворчества связаны, прежде всего, с историей судеб иммигрантов. При этом, опираясь не только на исторические факты, но и на свежую информацию, собранную другими исследователями, авторами социологического проекта «Новые элиты» (New Elites Project), который был осуществлен в 2001–2003 годах [Цит. по 5, с. 74]. В рамках этого исследования были проведены детальные интервью с двумя сотнями иммигрантов первого и второго поколений из сорока двух стран, которым удалось отличиться в бизнесе, информационных технологиях, медицине, журналистике, спорте, юриспруденции, искусстве и науке.

В целом содержание иммигрантских историй не слишком изменилось за последние 200 лет. Их основа – рассказ об успехе «сделавшего себя человека» (self-made man). Повествования о судьбах людей, которые прибыли в США без денег и какой-либо собственности и добились крупных успехов благодаря собственному трудолюбию, изобретательности и настойчивости, полностью соответствует американской национальной мифологии. Уже в XIX веке подобные истории постоянно циркулировали как в белле-

тристике и прессе США, так и в школьных хрестоматиях и учебниках. В другом варианте их героями становились американские уроженцы, сменившие место жительства. Так, авторы многочисленных биографий Бенджамина Франклина (Benjamin Franklin, 1706–1760) любили подчеркивать, что он в молодости перебрался из Бостона в Филадельфию и там, начав с нуля, стал национальной знаменитостью.

Нужно особо отметить, что и в прошлом, и в наше время соответствующие исследования отражают не статистическую реальность (поскольку абсолютное большинство иммигрантов добивается на новой родине, как правило, лишь относительных успехов), а широко распространенную надежду на то, что в США дороги к крупному успеху всегда открыты для всех.

Однако, подчеркивает Вуфнау, здесь есть и обратная сторона. Адресованная широкой публике информация об успехе того или иного иммигранта обычно страдает заданностью и односторонностью. Такие истории, чаще всего, учат восхищаться удачливыми людьми и верить в то, что их удачи вполне заслуженны. В то же время они редко заставляют задуматься над тем, почему одним удается сразу же осуществить «американскую мечту» в полном объеме, а для других она оказывается всего лишь иллюзией. В итоге пропагандируя «американскую мечту» вольно или невольно маскируют наличие социальной несправедливости и общественного неравенства в Америке и, тем более, не понуждают задуматься о его причинах. Именно поэтому сочинение стандартизованных историй об успехах американских иммигрантов можно рассматривать как пример создания мифов.

Американская мечта изначально имела религиозную основу. Английские протестанты, бежавшие от религиозных преследований в своей стране и основавшие в 1620 году первые колонии на новом континенте, не мечтали о богатстве, их целью было построение Царства Божьего на земле, где человек сможет направить все свои силы на расцвет своего духовного начала.

В глазах первых переселенцев, отцов-пилигримов, католическая Европа предала идеи истинного христианства, в Старом Свете не было места для Царства Божьего, духовная жизнь в нем угасала, он был обречен так же, как когда-то Содом и Гоморра.

На новом континенте, далеко от развращенной цивилизации Европы, среди нетронутой природы, протестанты надеялись построить новый совершенный мир, где в процессе его сози-

дания, в процессе труда, очистится и обогатится духовная природа человека.

Один из ключевых элементов «американской мечты» и современного американского мифотворчества – роль религии в американской истории. Массовое сознание американцев стоит на сугубо позитивной роли американской мечты, однако реальность и здесь сложнее мифа.

Некогда США представлялись европейцам уникальной страной, где нет королей и дворянства, где структура общества и правила поведения не обусловлены сословными различиями. В США никогда не было официальной религии, всегда процветала религиозная толерантность, что также отличало Соединенные Штаты от подавляющего большинства стран мира. Жизнь американца не сковывали сотни и тысячи формальных и неформальных законов, традиций и обычаев. Таким образом, житель США получал невиданную для остального мира свободу – самовыражения, творчества и предпринимательства.

Религия воодушевляла и воодушевляла многих американцев, стремящихся направить свою страну на путь улучшений. Во второй половине XVIII столетия она вдохновляла жителей североамериканских колоний на освободительную войну против владычества Великобритании, создавала идеологическую базу борьбы за освобождение чернокожих в середине XIX века и движения за расширение гражданских прав в 1960-е годы. В то же время религия «помогала оправдывать рабство и завоевательные войны и часто служила источником фанатизма и общественных конфликтов» [6, с. 132].

Вуфнау больше интересуется настоящим и будущее религии в США, которое он опять-таки анализирует в «иммиграционном» контексте. Соединенные Штаты, считает американский исследователь, в целом продолжают оставаться по преимуществу христианской страной, однако в последние десятилетия быстро растет активность мусульман, буддистов, индуистов и верующих многих других деноминаций, не связанных с иудео-христианской традицией. Многие считают, что размножение верований за счет всемирного притока иммигрантов увеличит жизнеспособность религии в целом, создавая всеамериканский рынок религиозных идей и служб. Этот рынок, как и любой рынок вообще, послужит лишь на пользу американской демократии, поскольку будет «создавать новые межчеловеческие связи и тем самым укреплять национальное единство» [цит. по 7, с. 32].

Зачастую американцы выдают желаемое за действительное и фактически создают каркас

еще одного национального мифа. В условиях современных США диверсификация религиозной жизни нередко приводит к своего рода «приватизации» религии, размыванию ее коммунальной основы. Тотальный рынок религиозных верований самим своим существованием подталкивает людей к мысли, что все религии в равной степени истинны, поскольку ни одна из них не занимает на нем привилегированного положения. Поэтому соблюдение канонов определенной религии для миллионов людей становится не приобщением к божественному откровению, а просто результатом индивидуального выбора, который, в принципе, мог бы быть и иным. Именно эту тенденцию Вуфнау и называет приватизацией религии. Об ее силе говорит то обстоятельство, что, согласно социологическим опросам, примерно 70% американцев считают религиозные взгляды своим сугубо частным делом и не связывают их с принадлежностью к тем или иным религиозным организациям.

Однако и здесь он призывает взглянуть на обратную сторону медали. Если та или иная вера оказывается всего лишь делом частного выбора, она уже не может служить основой демократической мобилизации. Например, в последнее время протестантские церкви делают весьма серьезные заявления относительно многих проблем, с которыми сталкивается американское общество. При этом они часто подкрепляют их соображениями справедливости или свободы, поскольку одной лишь апелляции к божественным истинам теперь недостаточно. Папа Римский постоянно выступает с декларациями морального и социального характера, однако даже многие американские католики считают их всего лишь выражением его личного мнения. Вуфнау полагает, что в прошлом американская демократия лишь выигрывала, когда верующие находили возможность объединяться в борьбе за благородные цели на основе религиозных принципов. Он не уверен, что современная приватизированная религия способна создать почву для такого объединения.

Америка строила новую цивилизацию с новой моралью, моралью труда, в которой успех – знак любви Бога. Все, что ведет к успеху, к богатству, – добродетельно. Аморально все, что ведет к неудаче. Неудача – подтверждение порочности человека, а способность создавать богатства – божественный дар, позволяющий человеку приблизиться к Богу, к Богу-Соз-

дателю. Библейская заповедь «все люди братья» уступила свое место заповедям успеха, который стал своеобразной формой национальной религии.

Дэвид Брукс справедливо замечает: «Американцы проживают свою жизнь, мечтая о будущем. Чтобы понять Америку, необходимо серьезно относиться к центральному клише американской жизни – американской мечте. Несмотря на то, что мы сталкиваемся со скукой и банальностью повседневности, эта мечта оживляет нас, придает нам сил и заставляет работать так много, переезжать так часто, изобретать так активно и меняться столь стремительно. Мы продолжаем стремиться к новому и необычному, даже несмотря на то что это не всегда приносит нам пользу и удовольствие» [Цит. по 8, с. 56].

Изменение «американской мечты» помогает понять общее состояние американского общества: самые динамичные общества нашего времени, в том числе и американское, рождают собственную мифологию, которая вполне реально влияет на их развитие.

Список литературы

1. Барт Р. Мифологии. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. 312 с.
2. Wuthnow R. Saving America? Faith-Based Services and the Future of Civil Society. University of California Press, 2004. 153 p.
3. Eliade M. Myth and Reality. Trans. Willard R. Trask. New York: Harper & Row, 1963. 126 p.
4. Campbell J. The Power of Myth. New York: Doubleday, 1988. 239 p.
5. Pettazzoni R. "The Truth of Myth". Sacred Narrative: Readings in the Theory of Myth. Ed. Alan Dundes. Berkeley: University of California Press, 2004. 109 p.
6. Аксенов В.О. Миф Америки. – М.: Астрель, 2001. 284 с.
7. Лебедев В.Ю., Прилуцкий А.М. Семиозис и семиодинамика теологических и мифологических знаковых систем. Тверь: Просвещение, 2010. 182 с.
8. Берёзкин Ю.Е. Мифы заселяют Америку. М.: Правда, 2007. 147 с.
9. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Правда, 1990. 215 с.
10. Наби Д. «Американская мечта» – миф или реальность? М.: Правда, 1995. 195 с.
11. Назаренко М.В. Американские мифы. М.: Прогресс, 2003. 173 с.
12. Ланг А. Американская мифология. М.: Рипол, 2005. 189 с.
13. Ловен Д. Мифы о США. М.: Азбука, 2001. 160 с.

MYTHOLOGICAL COMPONENT OF THE CONCEPT "AMERICAN DREAM"

A.L. Loginov

We analyze the mythological component of the concept "American Dream", which helps researchers to understand the degree of this phenomenon's influence on American society and the country as a whole.

Keywords: concept, myth, myth-making, American Dream, American society, religion.